

# Памяти писателя и великого гражданина России Александра Солженицына

Владимир РЯБОЙ

30 октября 1996 года на здании учебно-производственного комбината АО «Рыбинские моторы» по инициативе Рыбинского городского общества «Мемориал» на средства акционерного общества была установлена памятная доска с надписью «В этом корпусе, в спецтюрьме в 1946-1947 гг. отбывал срок и работал великий русский писатель А.И. Солженицын». На тот момент это был единственный мемориальный знак, напоминавший о драматичном периоде истории города и страны.

Мемориальная доска была зарегистрирована и внесена в компьютерную базу данных «Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР», составленную Музеем и общественным центром «Мир, прогресс, права человека» имени Андрея Сахарова.

Но просуществовала она всего несколько лет, поскольку была изготовлена из нержавеющей стали. Вероятнее всего, местные «старатели» ее сдали в скупку цветных металлов. Удастся ли ее восстановить?

Описывать само пребывание писателя в нашем городе можно в противоположных тонах. Можно в минорных, имея в виду общий жизненный фон, социально-экономические условия военного и лагерного Рыбинска, память о котором жива в нас до сих пор и еще неведомо сколько будет саднить и тревожить. А можно описывать тот же период жизни писателя в мажорных, жизнеутверждающих тонах. Если иметь в виду не объективные обстоятельства, которые часто сильнее человека, его физические возможности, а право человека самодостаточного, научившегося быть свободным в условиях несвободы, сохраняя человеческое достоинство, верность своим жизненным принципам, умение радоваться жизни, сопереживать и поддерживать своих друзей и близких.

Вот таким и будет наш рассказ об Александре Исаевиче рыбинского периода жизни. Здесь ничего нет придуманного, ибо основано на строго документальных материалах: личной переписке писателя, деталях моих личных встреч с Солженицыным, его первой женой, мемуарных источниках.

Лейтмотивом к рассказу о пребывании Солженицына в Рыбинске могла бы стать его строчка из личного письма: «Здесь я чувствую себя человеком».

После ареста в начале 1945 года и осуждения по политическим мотивам, после начального срока в Бутырской тюрьме Солженицына в марте 1946 года отправляют железной дорогой в Рыбинск, в пересыльную Софийскую тюрьму. Вот точные даты прибытия в Рыбинск и убытия отсюда: 27 сентября 1946 г. - 21 февраля 1947 г.

Всего-то около пяти месяцев. Но сколько вместили они в себя!

Потом уже в пору работы над «Архипелагом ГУЛАГ» и «В круге первом» он поведаёт о том трагичном, что слышал от других, в частности - о Переборах, выпишет в деталях свои страные лирические впечатления от рыбинской кутузки:

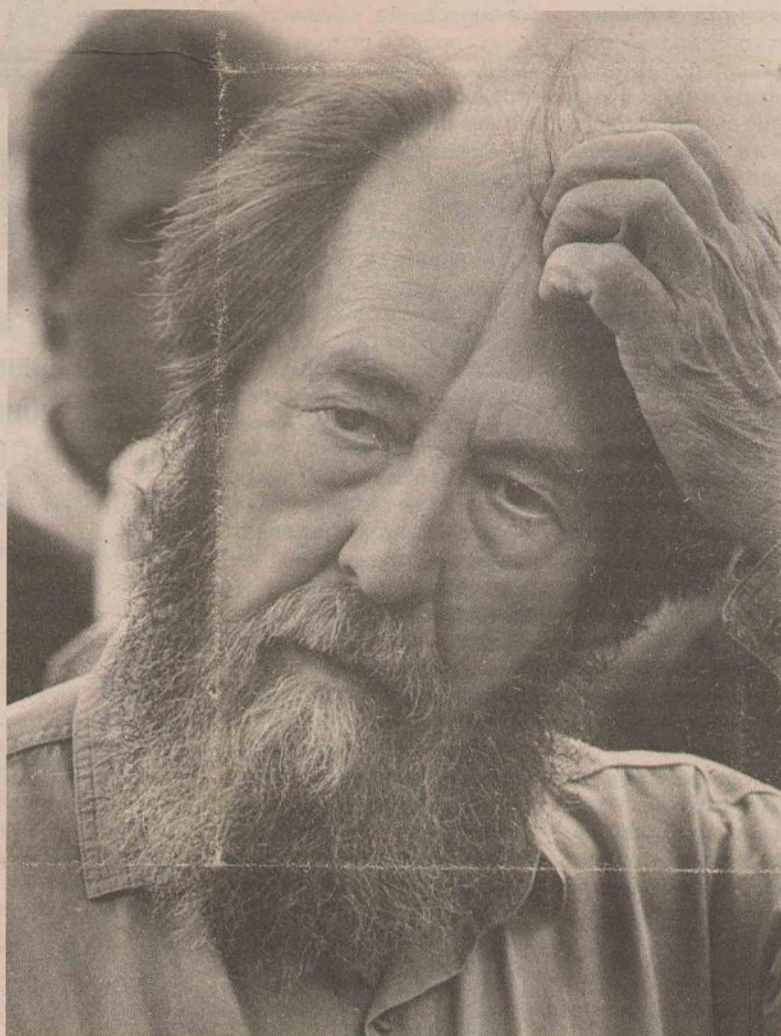
«В льготных случаях бывало так, что заключенных выгружали из вагонов на станцию назначения; тут же, близ полотна, ставили на колени (это от побега, но получалось для «молитвы») ОСО - особые войска сопровождения заключенных) и тотчас же прочитывали им приговоры. Бывало иначе: приходившие в Переборы в 1938 году этапы не знали ни своих статей, ни сроков, но встречавший их писарь уже знал и тут же находил в списке: социально вредный элемент - пять лет».

А вот уже Солженицын, справившийся вполне с новой ролью и выразивший личное отношение к обстоятельствам, продемонстрировавший свою художественную природу: «И в каждом райцентре - пересылка. Есть пересылка! В Рыбинске? А тюрьма № 2, бывший монастырь? Ох, покойная, дворы мощные, пустые, старые плиты во мху, в бане бадейки деревянные, чистенькие». Друг Александра Исаевича - известный поэт и наш земляк Юрий Кублановский - в одном из писем передает детали своих бесед с писателем: «Благодарно вспоминает пересыльную, а некогда монастырскую баню».

Но пересыльная и есть пересыльная, потому что из нее куда-нибудь перешлют непременно. Солженицын пересылают на шарашку (внутри закрытых «ящиков» конструкторские и всякие-разные бюро, работавшие на оборону) на завод № 36. Один из тогдашних друзей-сослуживцев вспоминал уже позже: «Знакомство с Вами, А.И., состоялось в период августа-сентября 1946 года в одном из учреждений Москвы. Потом мы с Вами жили в одной комнате около года в Рыбинске на заводе. Ваша койка стояла в ряду у окна и очень плотно с другими. Вы писали лежа на животе, просунув голову и руки между прутьями, на стоящем с торца кровати табурете. Вашим жилетом служил кусок толстой ткани с отверстием посередине. Я помню Вас еще в шинели артиллерийского офицера (без знаков), молодого, высокого, прямого, полного энергии, чистоты и разума. Вы тогда отличались от всех!».

В 40-е годы на моторостроительном заводе № 36 была создана внутренняя тюрьма, где содержались работавшие в составе ОКБ-2 над авиадвигателем для нового реактивного самолета заключенные - ученые, инженеры.

«Вот уже неделю я на новом месте. И работа ко мне подходит, и я подхожу к работе. Думаю, что буду ею доволен, что параллельно подниму и свои университетские знания, подвыветрившиеся за годы войны. Здесь при всей бы-



товой неустроенности чувствую себя человеком, и ко мне относятся как к человеку. И я выполняю человеческую работу».

Но Рыбинск конца 1946 года - это все-таки не Сочи. «Сейчас для меня тепло решает всю жизнь - 24 часа в сутки я нахожусь в очень холодных, фактически не топленных помещениях. Мерзну на работе так, что руки становятся фиолетовыми, прихожу в обморок - а там батарея еле теплится для отвода глаз. Заниматься сидя после 11-часовой работы в холоде почти невозможно - приходится ложиться в постель, а там бы только беллетристику читать - да ее нет, диффуравнениями или языком не займешься - надо писать чернилами, радио слушать - надоедает, хорошей музыки в вечерние часы стали передавать за последнее время меньше, значит, - спать. Но в постели не согреешься: хотя ноги укутаны телогрейкой, болтаются под одеялом небольшой пододеяльник - зато одеяло, собственно не одеяло, а легкое дачное покрывало, и все тепло зависит только от шинели. Иногда и ее, матушки, не хватает - позавчера ночью, например, проснулся от холода и не мог уснуть целый час. Думаем приладить себе нагревательного электрокотла, но никак не достаем подходящей проволоки, а главное - его могут отобрать».

В это время письма для Солженицына приходили на адрес: Ярославская обл., г. Щербаков, п/я 127. Кроме него, в комнате находилось еще 5 человек. Проблема

питания особо не стояла. Он даже высылает жене ежемесячно по 100 рублей. Глиняная посуда, тарелки, чашки, вилки, ножи - таков столовый «гарнитур» зэка Солженицына рыбинского периода. «Условия питания здесь уже сейчас таковы, что я, наконец, с величайшим счастьем освобождаю тебя от всяких передач и посылок. А дальше эти условия должны все улучшаться». Но посылки идут. «Свитер надел с наслаждением, яблоки кушаю за твоё здоровье, папиросы пришлились весьма кстати - курева у нас нет до сих пор. Но теперь-то уж я до получения табаку дотяну; ты можешь больше не беспокоиться. Посылочка прибыла в полном порядке, распечатывали ее при мне, все цело. Дядя за папиросы большое спасибо, «Дукат» - мои любимые папиросы».

Свободное время с 20 до 22 часов. Он усиленно изучает английский, словно предчувствуя, что он ему пригодится в скором времени. Заказывает жене литературу, канцелярщину. В одном из писем сообщает: «И вот результат моей умышленной работы: два ученых, один из которых был членом-корреспондентом АН, толкуют о кандидате для некоей ответработы. Остановились на мне. Двое суток на размышление».

Солженицын имеет один законный выходной - субботу. Сначала он работает по 10, потом по 11 часов в сутки. В комнате держится температура 14 градусов. Есть динамик - радует каждую передачу, где звучит классическая музыка. Называет

любимый романс - «Черный ветер» Сарасате. «Галина Барина, - пишет Солженицын, - играет сейчас концерт Бетховена по радио. Умираю от счастья слушать хорошую музыку, чего лишен был полтора года». Сообщает, что вскользь познакомился с докладом А. Жданова на Пленуме ленинградских писателей (где третировали А. Ахматову и М. Зощенку), но не комментирует его. Пишет только, что «литература теперь для меня умерла, остальная жизнь принадлежит математике и физике».

Но, судя по всему, это он пишет для охранников, проверявших переписку. Сам же вынашивает идею литературного произведения «Олень и шалашовка».

Любимый и любящий Солженицын полон чувств и надежд: «В этом году мы уже не сможем видеться: я решил, что переписка для нас с тобой удобнее, чем свидания - нелегко было бы тебе приезжать сюда, каждый раз добираться до Рыбинска. Но и писать тебе, маленькая моя Сероглазочка, я буду редко - приблизительно раз в два месяца. Теперь моя верность тебе не только внутренняя, но и внешне неизбежна - общество здесь исключительно мужское, женщин и в глаза не вижу. Но ведь ты и без этого верила бы мне, правда? От всего сердца горячо целую и обнимаю тебя! Твой любящий, глубоко преданный Санчик». Предупреждает: «Чтобы не вздумала при распределении на работу ориентироваться как-нибудь на Рыбинск из-за того, что я тут. У меня жизнь, как у моряка нынче здесь, а завтра там. Ты должна выбрать место работы независимо от того, где я. И не бойся Сибири. Мне кажется, что мы проживем там с тобой несколько лет».

В феврале поступило распоряжение о переводе Солженицына в Загорск. Заводское начальство пыталось отстоять его, даже премию ему выплатили. Но тщетно. Поначало условия его пребывания в других шарашках были сравнительно лучшими. Но потом он понимает, что его рыбинская жизнь была несравнимо лучшей с той жизнью, которой его вынудили жить теперь. Его потянуло в Рыбинск: «Жизнь моя эту осень и зиму - последовательная и полнейшая противоположность тому, что было с мной год назад: по образу жизни, движению, свежему воздуху, одежде, питанию, доступности чтения и музыки, и только бодорность моя не изменилась, но сохранять мне ее, признаюсь, нелегко, но сейчас я нахожу в себе твердость перенести такой годок и даже за эту осень и зиму так и не просился, как намеревался, на старое место работы. Да и возьмут ли меня туда, особенно когда осталось так немного? Если в судьбе моей за год не произойдет изменений к лучшему, с конца весны или с лета начну хлопотать». Он «странствует» по лагерям и пишет просьбы о пересылке его в Рыбинск. Но тщетно...

В Рыбинском частном музее «Нобели и нобелевское движение» хранится картина известного художника Мусатова «А.С. Попов показывает адмиралу Макарову первый радиотелеграф». Это еще один предмет - свидетель жизни великого писателя. Этой картине посвящены отдельные строки в его романе «В круге первом». Картина писалась лагерным в то время художником на его глазах. У нее драматичная и причудливая судьба. Но также, как и книги писателя, она дожила до нашего времени и стала частичкой истории, общей и частной.